

References

1. Environment and criminal law: searching for harmony: materials of International scientific.-pract. conf. devoted to preparation of the XXII Winter Olympic Games and XI Paralympic Winter Games 2014 in Sochi (Gelendzhik, October 6–9, 2011) / ed. by V. P. Konyahin and M. L. Prokhorova. Krasnodar : EDVI, 2011. 612 p.
2. Yablokov A. V. Depth environmental fall imagine. URL : http://rus-green.ru/video_yablokov (accessed November 22, 2017).
3. Maksimov A. M. Security of the animal world: criminal law and criminological models. M. : Yurlitinform, 2015. 328 p.
4. Zhevlakov E. N. On differentiation between economic and environmental crime: theory, legislation, practice // Criminal law. 2017. № 2. P. 55–63.

ЭКОЦИД В КОНТЕКСТЕ МЕЖДУНАРОДНОГО, ЗАРУБЕЖНОГО И РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО ПРАВА: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Коняхин Владимир Павлович,
заведующий кафедрой уголовного права и криминологии
Кубанского государственного университета,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации

Аннотация. Статья посвящена экоциду и его месту в системе преступлений по международному, зарубежному и российскому уголовному праву. В ней акцентируется внимание на исключительной опасности данного международного преступления, достаточно сложном его характере и весьма обширной источниковой (нормативной) базе. Проведенное исследование позволило сформулировать ряд выводов, направленных на дальнейшее совершенствование легального описания экоцида как на международном, так и на внутригосударственном (зарубежном и российском) уровнях.

***Ключевые слова:** экоцид, экологические преступления, международное уголовное право, зарубежное уголовное право, российское уголовное право, международные преступления, преступления международного характера.*

ECOCIDE IN THE CONTEXT OF INTERNATIONAL, FOREIGN AND RUSSIAN CRIMINAL LAW: A COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS

Vladimir Konyakhin,

head of the Department of criminal law and criminology
of the Kuban state University, doctor of law,
Professor, honored lawyer of the Russian Federation

***Abstract.** The article is devoted to ecocide and its place in the system of crimes under international, foreign and Russian criminal law. It focuses on the exceptional danger of this international crime, its rather complex nature and a very extensive source (normative) base. The study allowed to formulate a number of conclusions aimed at further improvement of the legal description of ecocide both at the international and domestic (foreign and Russian) levels.*

***Keywords:** ecocide, environmental crimes, international criminal law, foreign criminal law, Russian criminal law, international crimes, crimes of international character*

Среди преступлений, посягающих на благоприятную окружающую среду, наибольшей опасностью обладает *экоцид* (означающий в переводе с греческого языка буквально «убийство природы»). Достаточно сказать, что в результате совершения этого преступления не просто нарушаются экологические права человека, эти права уничтожаются, как, впрочем, и их носитель, человек – неотъемлемый компонент самой природы.

Системный анализ данного преступления через призму международного и внутригосударственного (зарубежного и

российского) уголовного права указывает на его достаточно сложный (интегративный) характер, а также на далеко не однозначную его интерпретацию на легальном и доктринальном уровнях.

Если рассматривать экоцид *в контексте международного уголовного права*, то прежде всего обращает на себя внимание, что соответствующие нормативные правовые акты, посвященные криминализации экоцида, условно дифференцируются на *три группы*.

С исторической точки зрения, а также исходя из количественных параметров, *первую* и самую многочисленную из них (свыше 300) образуют конвенции, непосредственно посвященные охране природы и устанавливающие *общий запрет* на совершение деяний, причиняющих ущерб отдельным объектам или компонентам природы (например, растительному или животному миру, атмосфере или водным ресурсам и т. д.). В порядке иллюстрации уместно назвать лишь некоторые из них: Конвенция ООН об открытом море от 29 апреля 1958 г., Конвенция ООН о международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения, от 3 марта 1973 г.; Конвенция ООН о трансграничном загрязнении воздуха на большие расстояния от 13 ноября 1979 г.; Конвенция ООН об охране озонового слоя от 22 ноября 1985 г.; Конвенция ООН о биологическом разнообразии от 5 июня 1992 г. и др. Перечисленные конвенции служат источниковой базой для бланкетного или, точнее, ссылочного способа определения отдельных общих элементов и признаков тех или иных *экологических правонарушений в целом* (в том числе и экоцида). Например, ст. 1 Конвенции об охране озонового слоя от 27 марта 1985 г. относит к предмету соответствующего экологического правонарушения «атмосферный озон над пограничным слоем планеты».

Своеобразным исключением в этом ряду является принятая 4 ноября 1998 г. Конвенция Совета Европы «О защите окружающей среды посредством уголовного законодательства», которая устанавливает *индивидуально определенные запреты* на совершение *конкретных* умышленных и неосторожных *экологических преступлений*.

Важно отметить, что все упомянутые и иные конвенции, отнесенные нами к первой группе, служат базой для криминализации во внутригосударственном уголовном законодательстве деяний международного (транснационального) характера, которые представляют собой как бы «экоцид в миниатюре». До статуса экоцида как международного преступления им в зависимости от конкретных обстоятельств не хватает одного или двух признаков – умышленной формы вины и возникновения реальной угрозы наступления экологической катастрофы.

Вторую, в том числе и по численности, группу международных конвенций, имеющих непосредственное отношение к экоциду, составляют те из них, в которых устанавливается уголовная ответственность за *смежные международные преступления* – геноцид и военные международные преступления. В этой связи следует назвать прежде всего Конвенцию ООН о предупреждении преступлений геноцида и наказании за него от 9 декабря 1948 г. В ней экоцид «незримо» присутствует как способ геноцида, в частности, когда для его совершения создаются жизненные условия экологического характера, рассчитанные на физическое полное или частичное уничтожение национальной, этнической, расовой или религиозной группы как таковой. Иными словами, речь идет в данном случае об «экологическом» геноциде. Кроме того, сюда же следует отнести многочисленные конвенции, устанавливающие уголовную ответственность за военные международные преступления, связанные прежде всего с применением оружия массового поражения или оружия неизбирательного действия (лучевого, зажигательного, инфразвукового, радиочастотного и др.).

Наконец, *третью*, самую малочисленную (всего три), но, пожалуй, самую значимую для целей проведенного исследования группу международных конвенций представляют те из них, которые *непосредственно* посвящены криминализации экоцида в «чистом» виде, т. е. в узком смысле употребляемого для его обозначения термина. Вопреки встречающемуся порой мнению [1, с. 20], первоисточником здесь служит принятая 10 декабря 1976 г. Конвенция ООН о запрещении военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду. Статья 1

указанной конвенции, не употребляя термина «экоцид», устанавливает запрет на военное или любое иное враждебное использование средств воздействия на природную среду, «которые имеют широкие, долгосрочные или серьезные последствия, в качестве способов разрушения, нанесения ущерба или причинения вреда любому другому государству-участнику» [2, с. 573]. Согласно ст. 2 данной конвенции, термин «средства воздействия на природную среду» относится к любым средствам для изменения – путем преднамеренного управления процессами – динамики, состава и структуры Земли, включая ее биоту, литосферу, гидросферу и атмосферу, или космического пространства» [2, с. 573]. Из изложенного видно, что рамками анализируемой конвенции охватывается экоцид, совершенный как в мирное, так и в военное время либо в период вооруженного конфликта.

Следует отметить, что в дальнейшем легальное описание экоцида трансформировалось в сторону его «милитаристского уклона». Об этом свидетельствует содержание ст. 30 Дополнительного протокола I к Женевской Конвенции от 12 августа 1949 г., касающегося защиты жертв международных вооруженных конфликтов, и ст. 6 Римского статута Международного уголовного суда от 17 июля 1998 г. (далее для краткости – Римский статут).

В частности, в последнем из названных международно-правовых актов экоцид приобретает четко выраженный статус международного военного преступления. Согласно пп. «в» (iv) п. 2 ст. 6 Римского статута, данное преступление трактуется как «умышленное совершение нападения, когда известно, что такое нападение является причиной... обширного, долгосрочного и серьезного ущерба окружающей природной среде, который будет явно несоизмерим с конкретным и непосредственно ожидаемым общим военным превосходством» [3, с. 262]. В соответствии с ч. 1 этой же статьи, общими признаками всех международных военных преступлений, в том числе и экоцида, признаются совершение их в рамках плана или политики либо крупномасштабный характер их совершения [3, с. 261].

Аналогичная позиция нашла закрепление и в п. «g» ст. 20 Проекта Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества (в ред. от 16 декабря 1996 г.).

Проведенный контент-анализ всей *триады* источников легального описания состава экоцида в международном уголовном праве позволяет сформулировать ряд выводов. В настоящее время подход международного законодателя к решению данного вопроса отличается неполнотой, непоследовательностью и даже противоречивостью. До сих пор на официальном уровне не используется сам термин «экоцид», отсутствует его четкая и унифицированная дефиниция. Окончательно не определен статус экоцида в системе международных преступлений. Не устранены коллизии при его отграничении от смежных международных преступлений (прежде всего военных преступлений и геноцида).

Все вышеперечисленные факторы негативно отражаются на позиции по этому вопросу со стороны *внутригосударственного (зарубежного и российского) уголовного права*. Это проявляется в первую очередь в неоднозначном подходе к криминализации экоцида.

В большинстве случаев, в частности, в УК стран – участниц Римского статута, аналогичные экоциду действия позиционируются как *разновидность военного преступления*, причем сам термин «экоцид» не употребляется. Например, согласно ст. 104 УК Эстонии, установлена ответственность за «сознательное воздействие на окружающую среду в качестве метода ведения войны, если это повлекло причинение крупного вреда окружающей среде». Статус *самостоятельного преступления* экоцид имеет в УК всего лишь нескольких государств мира (страны СНГ, Вьетнам, Колумбия, Монголия). Однако и здесь полной унификации по данному вопросу не наблюдается. В частности, в УК РФ и большинства стран СНГ (Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан) под экоцидом понимается «массовое уничтожение растительного и животного мира, отравление атмосферы или водных ресурсов, а также совершение иных действий, способных вызвать экологическую катастрофу», тогда как в УК Армении и Монголии в качестве обязательного признака этого преступления выступает не возможность, а сам факт наступления экологической катастрофы [4, с. 518–519].

В то же время со стороны российского законодателя самого пристального внимания заслуживает позитивный международный

и зарубежный опыт криминализации экоцида. В частности, сопоставление ст. 358 УК РФ с корреспондирующими положениями базовой, на наш взгляд, Конвенции о запрещении военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду от 10 декабря 1976 г. позволяет выявить здесь не только единство, но и неоправданные расхождения при обрисовке отдельных элементов и признаков рассматриваемого преступления. Во-первых, ст. 2 Конвенции 1976 г. относит к предмету экоцида не только биоту (растительный и животный мир), гидросферу (водные ресурсы) и атмосферу, но и *литосферу* (земную кору – верхнюю твердую оболочку Земли), а также *космические природные объекты*. Во-вторых, ст. 2 данной Конвенции включает в содержание объективной стороны экоцида указание на такой способ его совершения, как *«управление природными процессами»*. В-третьих, при описании субъективной стороны экоцида в ней сделан акцент на *исключительно умышленном (преднамеренном) характере* этого преступления. Несомненно, что отмеченные противоречия в законодательном понимании состава экоцида должны быть устранены. Исходя из закрепленного в ч. 4 ст. 15 Конституции РФ принципа приоритета норм международного договора, в ст. 358 УК РФ следует внести соответствующие коррективы. В частности, учитывая изложенное, а также явно назревшую необходимость в дифференциации уголовной ответственности за экоцид, целесообразно было бы в порядке *de lege ferenda* предложить следующую редакцию ст. 358 УК РФ:

«Статья 358. Экоцид

Умышленные массовое истребление растительного или животного мира, отравление атмосферы или водных ресурсов, уничтожение либо существенное повреждение литосферы или природных космических объектов, управление природными процессами, а также совершение иных действий, способных вызвать экологическую катастрофу, –

наказываются лишением свободы на срок от двенадцати до двадцати лет.

Те же действия, повлекшие экологическую катастрофу, – наказываются лишением свободы на срок от пятнадцати до двадцати лет либо пожизненным лишением свободы».

В контексте изложенного, а также с учетом законотворческого опыта УК Республики Беларусь 1999 г. и УК Республики Казахстан 2014 г. было бы вполне оправданным изменить место дислокации ст. 358 (как, впрочем, и всей главы 34 «Преступления против мира и безопасности человечества») за счет ее перевода из «арьергарда» в «авангард» Особенной части УК РФ. Думается, что реализация этих предложений позволит не только оптимизировать легальное описание экоцида, но и повысить авторитет и превентивную роль внутрисударственного уголовного законодательства в целом.

Библиографический список

1. Кибальник А., Соломоненко И. Уголовная ответственность за экоцид // Законность. 2005. № 6. С. 20.
2. Международное право в документах : учеб. пособие / сост. Н. Т. Блатова, Г. М. Мелков. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2000. С. 573.
3. Международное уголовное право в документах : учеб. пособие : в 2 т. / сост. Р. М. Валеев, И. А. Тарханов, А. Р. Каюмова. Изд. 2, перераб. и доп. М., 2010. Т. 1. С. 262.
4. См. об этом также: Додонов В. Н., Капинус О. С., Щерба С. П. Сравнительное уголовное право. Особенная часть : монография. М., 2010. С. 518–519.

Reference

1. Kibal'nik A., Solomonenko I. Ugolovnaya otvetstvennost' za ehkocid // Zakonnost'. 2005. № 6. S. 20.
2. Mezhdunarodnoe pravo v dokumentah : ucheb. posobie / sost. N. T. Blatova, G. M. Melkov. 3-e izd., pererab. i dop. M., 2000. S. 573.
3. Mezhdunarodnoe ugolovnoe pravo v dokumentah : ucheb. posobie : v 2 t. / sost. R. M. Valeev, I. A. Tarhanov, A. R. Kayumova. Izd. 2, pererab. i dop. M., 2010. T. 1. S. 262.
4. Sm. ob ehtom takzhe: Dodonov V. N., Kapinus O. S., SHCHerba S. P. Sravnitel'noe ugolovnoe pravo. Osobennaya chast' : monografiya. M., 2010. S. 518–519.